

интереснаго матеріала, чѣмъ это сдѣлано авторомъ. Сравненіе богословскихъ идей Афраата съ ученіемъ другихъ церковныхъ писателей должно бы быть болѣе детальнымъ. Въ общемъ однако сочиненіе г. Горскаго должно быть признано вполне достаточнымъ для полученія степени кандидата“.

12) Экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Добромыслова Павла*: „Богослуженіе Іерусалимской церкви въ IV вѣкѣ“:

„Сочиненіе г. Добромыслова состоитъ изъ введенія, трактующаго о „причинахъ, вліявшихъ на образованіе характерныхъ чертъ въ Іерусалимскомъ богослуженіи IV в.“, трехъ главъ и небольшого заключенія. Справедливо указавъ основную черту изучаемаго богослуженія въ „приспособленности“ содержанія его къ мѣсту и времени евангельскихъ событій, какъ „необходимомъ слѣдствіи особаго значенія Іерусалима въ исторіи спасенія рода человѣческаго“, авторъ останавливается на характерѣ эпохи и, понятно, находитъ, что наступившее съ началомъ IV вѣка „внѣшнее“ умиротвореніе церкви если гдѣ, то именно въ св. Землѣ должно было отозваться наиболѣе благоприятнымъ образомъ на состояніи богослуженія. Естественно, что храмы, возникшіе по мысли перваго христіанскаго императора, его благочестивой матери и простыхъ вѣрующихъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, являются предметомъ первой главы сочиненія, въ которой авторъ говоритъ довольно подробно не только о богослужебныхъ зданіяхъ, имѣвшихъ въ IV вѣкѣ на Елеонѣ и Сіонѣ, въ Геесиманскомъ саду, Виваніи, Вивелемѣ, на мѣстахъ страданія и воскресенія Господа, но и священныхъ воспоминанійхъ и молитвенныхъ собранійхъ съ перечисленными мѣстами связанными. Во второй главѣ собраны свѣдѣнія „о совершителяхъ богослуженія Іерусалимской церкви IV вѣка“, начиная съ патріарха съ окружавшими его: пресвитерами, діаконами, архидіакономъ, монашествующими, пѣвчими, переводчиками, крестохранителемъ и скевофилаксомъ, и кончая народомъ, участвовавшимъ по временамъ въ пѣніи. Третья глава, занимающая добрую половину (стрр. 211—437) всего сочиненія, посвящена изложенію самаго богослуженія. Она раздѣлена авторомъ на два отдѣла: въ первомъ представленъ общій составъ и порядокъ службъ

въ Иерусалимской церкви IV вѣка; во второмъ—подъ тремя рубриками разсматриваются „характеристическія особенности“ суточного, седмичнаго и годового богослуженій. Составныя части и время ежедневнаго отправленія бдѣнія, часовъ и вечерни; различныя измѣненія въ отправленіи службъ по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ, въ дни праздничныя и великопостныя послѣдовательно и болѣе или менѣе подробно обозрѣваются г. Добромысловымъ, такъ что въ общемъ получается довольно полная картина Иерусалимскаго богослуженія за указанное время. Въ заключеніе передается впечатлѣніе, вынесенное изъ ритуала Иерусалимской церкви Галльскою путешественницей конца IV вѣка Сильвіею Аквитанской — предполагаемымъ авторомъ извѣстнаго *Peregrinatio ad loca sancta*, изученіемъ котораго главнымъ образомъ и рекомендовано было заняться Добромыслову въ своемъ сочиненіи.—Изъ примѣчаній къ послѣднему можно видѣть, что названный памятникъ не впервые изслѣдуется въ нашей литературѣ, а потому краткія рѣчи о предшественникахъ по работѣ не были бы лишними въ сочиненіи: тогда и для самого автора его, быть можетъ, отчетливѣе представилась бы задача, и читателю легко было бы судить, что доселѣ сдѣлано въ русской наукѣ по данному вопросу. Планъ, котораго держится авторъ, естественъ, но нельзя сказать, чтобы вездѣ одинаково искусно былъ выполненъ. Въ сочиненіи много повтореній, оговоренныхъ и еще болѣе не оговоренныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вызывались существомъ дѣла, а нѣкоторыя объясняются просто тѣмъ, что авторъ не вездѣ неуклонно слѣдовалъ своему плану. Такъ напримѣръ распространившись въ первой главѣ, вопреки заголовку ея, о дняхъ и часахъ богослужебныхъ собраній, авторъ неизбежно долженъ былъ повториться въ 3-й и отчасти во 2-й главѣ, когда зашла рѣчь о самомъ богослуженіи и совершителяхъ его. Недостатокъ матеріаловъ по изслѣдуемому вопросу на каждомъ шагу ощущался авторомъ, но это не обязывало его всюду быть одинаково подробнымъ, выражать необоснованныя и поспѣшныя сужденія и предположенія (стрр. 27. 48—50. 54. 128. 181. 202. 249. 251. 309. 349. 396—397. 440), тѣмъ менѣе—искусственно удлинять рѣчи о предметахъ (особенно въ отд. о праздникахъ), по которымъ не имѣлось подъ руками

у него обстоятельныхъ свѣдѣній. Изложеніе сочиненія, въ общемъ удовлетворительное, связанное и послѣдовательное; не чуждо по мѣстамъ не литературныхъ выраженій (стрр. 21. 45. 48. 53. 77. 106. 126. 129. 141. 150. 182. 188. 271. 294. 349. и др.), грамматическихъ ошибокъ и описокъ (стрр. 8. 17. 20. 37. 41. 44. 49. 88. 125. 136. 245. 320. 371 и др.). Непріятно также видѣть въ литургическомъ трудѣ безъ нужды употребляемыя иностранныя слова (дефектъ, тенденція, утрировка, штрихи, иллюминировать, специфическій и т. д.) и обидно становится за автора, пишущаго *литаніе* вм. литанія (*litte*, *litania*), *плащеница* вм. плащаница.

Отмѣченные недостатки большею частью формальнаго свойства и съ избыткомъ покрываются весьма существенными достоинствами сочиненія. Старательно отнесшись къ дѣлу, авторъ хорошо ознакомился не только съ *Peregrinatio ad loca sancta* Сильвіи съ относящейся къ нему русскою и отчасти иностранною литературой, но и съ источниками и научными пособіями, болѣе или менѣе касавшимися изучаемою имъ области. Близкое знакомство съ „Путешествіемъ“ Сильвіи дало ему возможность не рабски слѣдовать авторитетамъ, равнѣ его высказавшимся по нѣкоторымъ частнымъ пунктамъ его темы, а отнестись къ нимъ критически. Правда, длинныя разсужденія автора: о Константиновскихъ постройкахъ на мѣстѣ страданій и воскресенія Господа и ихъ взаимномъ расположеніи (стр. 85—135), о совершеніи литургіи по великопостнымъ средамъ и пятницамъ и въ великую субботу (378—391. 429—436) не столь убѣдительно и не такъ отчетливо изложены, какъ бы это было желательно; но, появившись они въ печати, съ ними пришлось бы научнымъ образомъ считаться. Изъ показанныхъ мѣстъ сочиненія нельзя не видѣть также, что авторъ ясно сознавалъ наиболѣе важныя стороны въ своемъ вопросѣ и на нихъ сосредоточивалъ преимущественное вниманіе. Онъ не обходилъ представлявшихся ему трудностей; наоборотъ, пытался, какъ можно лучше, выяснитъ темныя, неудобовразумительныя выраженія Сильвіи. Къ погрѣшностямъ своихъ предшественниковъ относился снисходительно (стр. 260 и др.), и вообще отъ начала до конца тонъ его спокойно-серьезный. Сочиненіе очень хорошее, и авторъ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

13) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *Дмитріева Николая*: „Придворная проповѣдь во второй половинѣ 18 столѣтія“:

„Обширное сочиненіе г. Дмитріева (462 стр.) распадается на два отдѣла и состоитъ изъ слѣдующихъ частей. Въ введеніи авторъ говоритъ о задачѣ, планѣ, методѣ, объемѣ, источникахъ и пособіяхъ своего изслѣдованія (1—8). Первую главу его сочиненія можно назвать еще подготовительной, своего рода введеніемъ. Здѣсь авторъ сообщаетъ внѣшнія свѣдѣнія, касающіяся придворнаго проповѣдничества, о числѣ проповѣдей, произнесенныхъ при дворѣ, мѣстѣ произнесенія ихъ, слушателяхъ и т. п. (1—48). Во второй говоритъ о началѣ придворной проповѣди, обстоятельствахъ, способствовавшихъ ея возникновенію, развитію и процвѣтанію, первыхъ придворныхъ проповѣдниковъ (49—94). Въ третьей главѣ переходитъ къ характеристикѣ придворнаго проповѣдничества съ внѣшней стороны, со стороны плана, стиля и проч. и старается поставить ее въ тѣснѣйшую связь съ схоластической проповѣдью (94—144). Въ четвертой довольно подробно излагаетъ гомилетическую теорію, какой держались придворные проповѣдники (145—203). Второй отдѣлъ сочиненія г. Дмитріева распадается на слѣдующія главы. Въ небольшомъ введеніи авторъ дѣлаетъ небольшую общую характеристику придворныхъ проповѣдей со стороны ихъ содержанія (204—208). Впечатлѣніе, оставленное Петромъ Великимъ, было настолько сильно, что жило въ потомствѣ долгое время по смерти его. Проповѣдники второй половины 18 в. въ своихъ проповѣдяхъ весьма часто говорятъ о Петрѣ, и притомъ съ такимъ одушевленіемъ, какъ будто бы онъ еще былъ живымъ въ то время. Въ первой главѣ авторъ изображаетъ, какъ отразилась и освѣщена вся обширная дѣятельность Петра Великаго въ проповѣдяхъ придворныхъ проповѣдниковъ (209—224). Во второй—о личности императрицы Елизаветы Петровны, какъ она отразилась въ проповѣдяхъ придворныхъ проповѣдниковъ. Нѣсколько страницъ авторъ посвящаетъ Петру III и Екатеринѣ 2-й (225—365). Въ третьей авторъ говоритъ о тѣхъ проповѣдяхъ придворныхъ проповѣдниковъ, въ которыхъ ими раскрывались различныя стороны общественной, частной, семейной, государственной жизни. Предъ нами проходитъ живая

картина недуговъ всѣхъ людей того времени, ихъ холодность къ вѣрѣ, скептическое отношеніе ко многому въ религіи, увлеченіе западными идеями энциклопедистовъ, роскошь, разгуль, извѣженность, ихъ пороки и различные мелкіе недостатки. Мы живо видимъ здѣсь и тѣ средства, какими проповѣдники хотѣли оздоровить наше тогдашнее общество, начиная съ придворнаго сановника и кончая простымъ простолюдиномъ (366—443). Въ приложеніи авторъ сообщаетъ 27 краткихъ біографій нѣкоторыхъ изъ придворныхъ проповѣдниковъ (445—462).

Краткій обзоръ содержанія сочиненія г. Дмитріева свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ не мало потрудился надъ своей работой, не мало потрудился, чтобы дать отвѣтъ на столь интересную и живую тему, какъ вопросъ о состояніи придворнаго проповѣдничества во второй половинѣ 18 в. На пространствѣ всего сочиненія можно встрѣчать не мало прекраснѣйшихъ страницъ, дающихъ возможность каждому живо и полно представить то далекое и во многихъ отношеніяхъ дорогое прошлое и многому въ немъ поучиться. Особенное важное значеніе имѣетъ это далекое прошлое для современныхъ проповѣдниковъ. Чтобы не дать шаблоннаго отвѣта на поставленный вопросъ, авторъ не удовлетворился изученіемъ обширной литературы, имѣющей близкое и отдаленное отношеніе къ этому вопросу. Для открытія новыхъ данныхъ онъ работалъ въ Румянцевскомъ Музеѣ, въ бібліотекѣ Московской Синодальной Типографіи, въ бібліотекѣ Троицкой Лавры. Не говоримъ объ Академической бібліотекѣ, имѣющей весьма интересный матеріалъ по этому вопросу. Онъ нашелъ даже корректурныя листы проповѣдей нѣкоторыхъ придворныхъ проповѣдниковъ (17. 18. 19). Не имѣя подъ руками каталога, иногда отыскиваетъ нужный для него матеріалъ по инвентарному каталогу или просто перерывая бібліотечныя сокровища. Это дало возможность автору внести весьма существенныя поправки въ существующіе труды по вопросу о состояніи придворнаго проповѣдничества въ разсматриваемое время. Въ ряду многихъ достоинствъ сочиненія нельзя не отмѣтить одного. О чемъ бы ни говорилъ авторъ, онъ говоритъ всюду основательно, защищая свои доводы неопровержимыми аргументами, заимствованными имъ изъ первоисточниковъ. Вслѣдствіе этого

почти всѣ страницы его труда испещрены подстрочными примѣчаніями, свидѣтельствующими о его широкой начитанности въ области своей темы. Мало того, подъ строкой авторъ иногда указываетъ литературу по вопросамъ, имѣющимъ отдаленное отношеніе къ его темѣ. Отъ начала до конца сочиненія видно, что авторъ работалъ надъ нимъ съ увлеченіемъ, что сказалось въ полнотѣ, основательности и живости его изложенія. Къ сожалѣнію весьма хорошее сочиненіе имѣетъ и не мало недостатковъ. Увлекаясь новизною и интересомъ матеріала, авторъ часто привноситъ въ свой трудъ много такого, что съ большимъ удобствомъ могло бы быть оставлено (65 сл. 78 сл. и др.). По мѣстамъ допускаетъ повторенія (148. 171. 183 и др.), противорѣчія (168. 173. 182. 334). Встрѣчаются у автора довольно странныя и неожиданныя разсужденія (2—3. 21. 28. 31. 39. 161. 168. 175. 209. 303. 443), болѣе остроумныя, чѣмъ доказательныя и убѣдительныя соображенія (223. 242. 261. 262. 337. 364), любопытныя неточности выраженій, путаница въ терминологіи (136. 141. 151. 180. 203. 233. 253. 441. 445). Не всегда авторъ придерживается и начертаннаго имъ плана. Во многихъ мѣстахъ сочиненія начинаетъ говорить о томъ, что съ большимъ удобствомъ можно было бы помѣстить или въ одной какой либо главѣ или во введеніи къ сочиненію. Пятая глава его перваго отдѣла, гдѣ онъ излагаетъ гомилетическую теорію придворныхъ проповѣдниковъ, занимаетъ совершенно неподобающее ей мѣсто. Нельзя еще не сказать нѣсколько словъ о стилѣ разсматриваемаго сочиненія. Сочиненіе въ данномъ отношеніи страдаетъ также. По мѣстамъ встрѣчаются строки, отличающіяся напыщенностью (203 и др.), необыкновенной вычурностью (176. 201), по мѣстамъ слогъ автора удивляетъ читателя угловатостью (1. 8. 13. 82—83. 146. 168. 171. 189. 203. 226. 227. 259. 254. 302. 314. 316. 367). Хотя и не особенно часто, но все же у автора встрѣчаются и иностранныя слова (7. 8. 71. 186. 234. 240. 257. 309. 372. 441). Попадаютъ также и ошибки (246. 250. 263. 282. 308. 366. 424).

Степени кандидата богословія авторъ за означенное сочиненіе заслуживаетъ вполне“.

14) Исправляющаго должность доцента Павла Тихомирова о сочиненіи студента *Евстратіадиса Теодора*: „От-

ношеніе Климента Александрійскаго къ греческой философіи“:

„Сочиненіе г. Евстратіадиса начинается, какъ и слѣдуетъ, введеніемъ, изображающимъ отношеніе между философіей и христіанствомъ до Климента (стр. 1—15). Затѣмъ слѣдуетъ первая часть, раскрывающая взглядъ Климента на философію вообще (стр. 15—104). Здѣсь авторъ касается воззрѣній Климента на происхожденіе философіи (стр. 15—60), на отношеніе философіи къ Ветхому Заѣту (стр. 60—73) и къ христіанству (стр. 73—95) и рассматриваетъ понятіе Климента о философіи (стр. 95—104). Во второй части (стр. 104—161) рассматривается отношеніе Климента къ поэтамъ—Орѣю, Гомеру, Гезіоду, Пиндару и др., кончая Эврипидомъ. Третья часть трактуетъ объ отношеніи его къ философамъ, начиная отъ Ѡалеса и кончая Филономъ (стр. 161—453). Заключеніе (453—462) посвящено подведенію общихъ итоговъ изслѣдованію. Въ этомъ планѣ нельзя одобрить только выдѣленіе въ особую часть изслѣдованія объ отношеніи Климента къ поэтамъ, изъ которыхъ только нѣкоторые имѣютъ значеніе предшественниковъ философіи: многое изъ этой части могло бы быть опущено, а остальное должно бы образовывать лишь начало слѣдующей части.

Самое изслѣдованіе въ общемъ ведется авторомъ весьма самостоятельно,—по первоисточникамъ (сочиненія Климента, Платона, фрагменты Муллаха и т. п.), которые ему какъ природному греку, конечно, вполне доступны. Изъ пособій у него была только книга Faue „Clément d' Alexandrie“, которую онъ и пользуется всюду, гдѣ обходится безъ первоисточниковъ, преимущественно же при общихъ характеристикахъ той или иной стороны Климентовыхъ воззрѣній. Сочиненія Климента изучены г. Евстратіадисомъ полно и всесторонне. Сличеніе съ мнѣніями философовъ сдѣлано весьма тщательно. Примѣры зависимости Климента отъ греч. философовъ приведены удачно и наглядно. Вообще, сочиненіе обнаруживаетъ много труда и большое знаніе изслѣдуемаго предмета. Послѣ Климента, особенно тщательно проштудированы авторомъ сочиненія Платона, который, по убѣжденію автора, былъ изучаемъ Климентомъ въ подлинникѣ. Менѣе замѣтно знакомство автора съ сочиненіями Филона, хотя онъ и называетъ послѣдняго учителемъ Климента по пре-

имуществу. Но во всякомъ случаѣ, и то, что сдѣлано г. Евстратіадисомъ, есть трудъ весьма почтенный, и авторъ за него, по справедливости, заслуживаетъ большой похвалы.

Недостатками сочиненія являются: крайне малое знакомство съ литературой предмета, что, впрочемъ, болѣе зависѣло отъ внѣшнихъ причинъ (нужныхъ автору книгъ не нашлось въ библіотекѣ и выписать ихъ не удалось); довольно неправильный языкъ, особенно тамъ, гдѣ авторъ говоритъ не отъ своего лица, а переводитъ изъ Климента или Платона;—этотъ недостатокъ я нахожу въ иностранцѣ вполне извинительнымъ, тѣмъ болѣе, что неправильности не мѣшаютъ въ большинствѣ случаевъ пониманію мысли; неумѣнье въ нѣкоторыхъ случаяхъ примирить мнимыя противорѣчія Климента съ самимъ собою (напр. въ вопросѣ о происхожденіи греческой философіи),—это уже болѣе существенный недостатокъ; игнорированіе вопроса о способахъ знакомства Климента съ тѣми философами, которыхъ онъ не изучалъ въ подлинникѣ (авторъ полагаетъ, что здѣсь Климентъ черпалъ изъ Филона, что однако не для всѣхъ случаевъ можетъ быть доказано)—это тоже недостатокъ значительный.

Принимая во вниманіе достоинства и недостатки сочиненія, я нахожу возможнымъ признать его очень хорошею работою, а автора вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

15) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Златова Гавріила*: „*Εἰσαγωγή*: К. Арменопуло“:

„Во вступленіи (1—19) авторъ, указавъ на завидную участь и значеніе, выпавшія на долю избраннаго имъ для изслѣдованія памятника византійской юридической литературы, жалуется на недостаточность вниманія къ нему со стороны ученыхъ изслѣдователей какъ западной, такъ и тѣмъ болѣе—отечественной науки. Причину сего со стороны западной науки авторъ указываетъ въ томъ, что она интересовалась (и интересуется) этимъ памятникомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ служитъ отраженіемъ древняго юстиніанова права. Но съ этой точки зрѣнія онъ дѣйствительно не могъ и не можетъ возбудить глубокаго къ себѣ интереса.

Тѣмъ не менѣе въ теченіи прошлаго вѣка западною наукою все-таки нѣчто сдѣлано къ уясненію исторіи происхожденія его, къ установленію подлиннаго текста и опредѣленію его источниковъ. Особенно цѣнно въ этихъ отношеніяхъ ученое изданіе памятника, исполненное Геймбахомъ младшимъ въ 1851 году.—Русская наука должна бы питать болѣе глубокой интересъ къ этому памятнику, но, къ сожалѣнію, здѣсь не сдѣлано почти ничего, кромѣ оффиціального перевода, выпущеннаго въ свѣтъ двукратно въ 1831 и 1854 г.г. Въ русской литературѣ нѣтъ даже сведенія во едино тѣхъ результатовъ научныхъ изслѣдованій, какими владѣетъ западная наука. Это обстоятельство авторъ и выставляетъ въ качествѣ научнаго мотива къ предпринятому имъ изученію разсматриваемаго памятника. Результаты своего изученія онъ расположилъ по слѣдующему плану.

Все сочиненіе состоитъ изъ 7-ми главъ, которымъ предшествуетъ введеніе, имѣющее своимъ содержаніемъ очеркъ состоянія византійскаго права въ XIV в.—въ эпоху происхожденія Прохирона Арменопуло. Затѣмъ въ 1-й главѣ сообщаются свѣдѣнія о личности Арменопуло: во 2-й—общая характеристика его произведенія—планъ и содержаніе; въ 3-й—разсматриваются вопросы о времени происхожденія, причинахъ и цѣли его составленія; въ 4-й—указываются источники, изъ которыхъ Арменопуло заимствовалъ содержаніе своего сборника; въ 5-й—характеризуется отношеніе Арменопуло къ источникамъ, которыми онъ пользовался, и языкъ сборника; въ 6-й—изслѣдуются приложенія къ сборнику и схолии; въ 7-й—авторъ старается выяснитъ дѣйствительное достоинство и значеніе труда Арменопуло, именно какъ практическаго руководства для правовѣдѣнія — что обыкновенно опускалось изъ виду при оцѣнкѣ его западными учеными.

Въ предположеніи автора было представить еще 8-ю главу съ цѣлію обозрѣнія судьбы памятника у славянскихъ народовъ, но „за недостаткомъ времени“—по словамъ автора—это предположеніе не осуществилось.

Сочиненіе обнаруживаетъ тщательное изученіе подлиннаго текста *Ἐξάβιβλος* и всѣхъ тѣхъ пособій, которыми по данному предмету владѣетъ академическая бібліотека. Изложеніе сочиненія отличается сжатостью, иногда переходя-

шею въ крайность, отчего и объемъ сочиненія получился весьма малый (1—263). Сжатость изложенія—свойство вообще похвальное и достожелательное; но у автора разсматриваемаго сочиненія она является нѣкоторою крайностью. Свои положенія онъ почти всюду аргументируетъ только цифровыми (голыми) цитатами памятника, не переводя самого текста: но этотъ способъ цитаціи умѣстенъ единственно въ „пролегоменахъ“ къ изданію слѣдующаго за ними полнаго текста памятника, — а отнюдь не въ особомъ изслѣдованіи такого памятника, изданія котораго какъ въ данномъ случаѣ—составляютъ большую рѣдкость. Языкъ сочиненія всюду правильный, ясный и точный.

Для присужденія автору степени кандидата богословія признаю настоящее сочиненіе вполне удовлетворительнымъ“.

16) Ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Зорина Петра*: „Ученіе святыхъ отцевъ восточныхъ о свойствахъ Божіихъ“:

„Въ концѣ введенія къ сочиненію авторъ его опредѣляетъ задачу своего труда слѣдующими словами: „Прежде всего мы разсмотримъ по сочиненіямъ отцевъ общіе вопросы въ ученіи о свойствахъ Божіихъ. Таковыми являются вопросы о существѣ (сущности) и свойствахъ Бога вообще и объ ихъ взаимоотношеніи, о значеніи свойствъ въ Богѣ и объ ихъ классификаціи. Этимъ мы закончимъ первую часть своего изслѣдованія. Во второй же мы постараемся прослѣдить и изложить историческое раскрытіе и логическое развитіе въ сознаніи отцевъ ученія о каждомъ свойствѣ Божіемъ въ отдѣльности, по крайней мѣрѣ въ первую половину отеческаго періода“ (XIII—XIV с.). А въ концѣ сочиненія авторъ его говоритъ: „Въ представленномъ обзорѣ ученія святыхъ отцевъ восточныхъ о свойствахъ Божіихъ мы пытались, съ одной стороны, по возможности, указать тѣ историческіе поводы, которые служили развитію этого догмата, а съ другой, прослѣдить самое развитіе его въ логическомъ отношеніи. Въ этомъ изслѣдованіи мы пришли къ тому заключенію, что ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ нами отцевъ не даетъ какого либо систематическаго изложенія ученія о свойствахъ Божіихъ. Съ матеріальной же стороны они всѣ вмѣстѣ сказали объ этомъ догматѣ все, что можно было сказать, и что мы обычно находимъ относительно

его въ современныхъ догматическихъ системахъ“ (452—453 стр.).

Какъ въ тѣхъ—предположительныхъ, такъ и въ этихъ—заключительныхъ и утвердительныхъ словахъ нѣтъ преувеличенія, и они дѣйствительно выражаютъ то, что предположено было сдѣлать и что сдѣлано авторомъ. Онъ разсмотрѣлъ ученіе о свойствахъ Божіихъ святыхъ отцевъ восточныхъ II-го, III-го и IV-го вѣковъ, а именно: ученіе Іустина Философа, Иринея Лионскаго, Теофила Антиохійскаго, Меѳодія Патарскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Аѳанасія Александрійскаго, Ефрема Сирина, Григорія Нисскаго, Епифанія Кипрскаго и трехъ вселенскихъ святителей. Сочиненія всѣхъ этихъ отцевъ онъ читалъ въ русскомъ переводѣ. Сочиненія мужей апостольскихъ, а также сочиненія святыхъ отцевъ, жившихъ позднѣе IV-го вѣка, онъ не разсматривалъ. Впрочемъ въ многочисленныхъ сочиненіяхъ упомянутыхъ знаменитыхъ отцевъ Востока ученіе о свойствахъ Божіихъ раскрыто всесторонне, такъ что ознакомленіе съ ученіемъ объ этомъ предметѣ прочихъ восточныхъ отцевъ не доставило бы много новыхъ данныхъ. Трудъ автора сочиненія состоялъ въ томъ, что онъ извлекъ изъ разнообразныхъ сочиненій вышеупомянутыхъ отцевъ ученіе ихъ о свойствахъ Божіихъ, указалъ во многихъ случаяхъ поводы, вызвавшіе на свѣтъ то или иное ученіе объ этомъ предметѣ и отчасти опредѣлившіе характеръ ученія, и весь собранный матеріалъ пояснилъ и привелъ въ систему по плану, принятому въ догматическихъ системахъ. Цитатія не вездѣ точна и вѣрна. Въ литературномъ отношеніи сочиненіе почти безукоризненно. Неуклюжее выраженіе: „здѣсь будутъ игнорироваться ктому же слова Писанія“ (137 стр.), — исключеніе. Степени кандидата богословія авторъ сочиненія достоинъ“.

17) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Кантова Владимира*: „Русскія рационалистическія ученія и секты XV и XVI в“:

„Сочиненіе г. Кантова посвящено изслѣдованію одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ въ исторіи русскаго религіознаго сознанія. XV и XVI вѣка—это время упорной борьбы тогдашней оффиціальной традиціонной религіозности, стремившейся отлиться во внѣшнія предписанія и обрядовѣрныя формулы, съ инымъ направленіемъ религіозной мысли и

жизни, которое, уходя своимъ началомъ въ болѣе раннюю пору, проявляется теперь то въ ученіи новгородскихъ еретиковъ, „жидовская мудрствовавшихъ“, по увѣренію ихъ современныхъ оппонентовъ, то въ воззрѣніяхъ Башкина и другихъ ему подобныхъ „вольномысцевъ“. Были ли всѣ эти проявленія религіознаго вольномыслія на самомъ дѣлѣ ересями, каковъ ихъ дѣйствительный характеръ и ихъ взаимное соотношеніе,—вотъ тѣ главные вопросы, разрѣшеніе которыхъ поставилъ своею задачею авторъ разсматриваемаго труда. Въ своемъ взглядѣ на изучаемыя явленія онъ сильно расходится со всѣми воззрѣніями на нихъ, высказанными въ существующей ученой литературѣ: для него всѣ эти „ереси“ указанной эпохи суть проявленія одного и того же протеста противъ недостатковъ современной церковной жизни, одушевляемаго стремленіемъ къ проведенію въ нее истинно-христіанскихъ началъ.

Нельзя сказать, чтобы эта мысль автора была твердо обоснована имъ во всей ея полнотѣ: можно выставить не мало частичныхъ возраженій противъ допускаемаго имъ сближенія и отождествленія всѣхъ тѣхъ явленій, которыя вводитъ онъ въ кругъ своего изслѣдованія. И тѣмъ не менѣе въ основѣ своей мысль эта заслуживаетъ полнаго вниманія. Еще болѣе заслуживаютъ его разысканія по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, затрогиваемымъ въ изслѣдованіи. Въ особенности это нужно сказать о тѣхъ отдѣлахъ сочиненія, въ которыхъ производится анализъ и дается оцѣнка историческихъ источниковъ, говорящихъ о той или другой изъ изучаемыхъ древне-русскихъ „ересей“: здѣсь г. Кантовъ обнаруживаетъ большой критическій тактъ и незаурядное искусство въ пользованіи историческими свидѣтельствами. Та же осторожность вдумчиваго изслѣдователя не оставляетъ его и при обращеніи съ ученой литературой по многочисленнымъ вопросамъ, затронутымъ въ сочиненіи: отдавая должное своимъ предшественникамъ, онъ умѣетъ, однако, гдѣ слѣдуетъ, остаться самостоятельнымъ и не опускаетъ критическаго оружія предъ лицомъ даже крупныхъ авторитетовъ науки.—Недостатки разсматриваемой работы—больше формальнаго свойства: не совсѣмъ удачно, на нашъ взглядъ, слишкомъ подробное дѣленіе сочиненія (на 18 главъ); изложеніе по мѣстамъ носитъ на себѣ замѣтные слѣды послѣдств-

ности и не достаточной литературной обработанности; есть основание предположить случаи заимствования цитатъ изъ вторыхъ рукъ (сн., напр., стр. 273 и 283); встрѣчаются пропуски подстрочныхъ примѣчаній, намѣченныхъ въ текстѣ (стр. 58, 200) или спутанность въ ихъ нумераціи (стр. 56) и т. п. Но общее впечатлѣніе отъ работы убѣдительно говоритъ въ пользу ея автора, вполне заслуживающаго искомой степени“.

* 18) Экстраординарнаго профессора Анатоля Спасскаго о сочиненіи студента *Коновалова Дмитрія*: „Ученіе св. Кирилла Александрійскаго о Лицѣ Богочеловѣка и значеніе его въ исторіи хринологическихъ движеній V и VI вѣковъ“:

„Сочиненіе г. Коновалова посвящено изученію самаго центрального пункта въ исторіи хринологическихъ движеній, волновавшихъ собой древне-вселенскую церковь въ теченіи трехъ слишкомъ столѣтій. Будучи наиболѣе типичнымъ порожденіемъ богословія ново-александрійской школы въ области хринологіи, ученіе св. Кирилла Александрійскаго о Лицѣ Богочеловѣка, впервые сформулированное въ противовѣсъ несторіанству и признанное на Ефесскомъ (Кирилловскомъ) соборѣ за подлинное выраженіе вѣры, скоро сдѣлалось обильнымъ источникомъ новыхъ споровъ и смятеній въ церкви и государствѣ, обнимающихъ собой всю исторію монофизитства. Вышедшіе изъ среды крайнихъ приверженцевъ Кирилла, односторонне истолковывавшихъ его воззрѣнія, монофизиты нашли себѣ опору въ ученіи Кирилла объ одной природѣ Бога Слова воплощенной и съ успѣхомъ пользовались его сочиненіями. Съ своей стороны и Халкидонскій соборъ, формулировавшій догматъ о двухъ природахъ и осудившій монофизитство, опирался на имя Кирилла и два его посланія принялъ въ качествѣ неизмѣняемыхъ образцовъ вѣры, подтвердивъ этимъ его церковный авторитетъ. Если, затѣмъ, внимательно всмотрѣться въ хринологическіе споры, послѣдовавшіе за Халкидонскимъ соборомъ, то не трудно замѣтить, что въ догматическомъ отношеніи всѣ несогласія между монофизитами и ихъ противниками сводились въ сущности къ одному пункту, именно: къ такой или иной интерпретаціи ученія Кирилла. Монофизиты упрекали Халкидонскій соборъ въ самопротиворѣчьи, — въ томъ, что признавъ авторитетъ Кирилла, онъ принялъ въ

то же время и ученіе о двухъ природахъ, — и въ этомъ усматривали тайную склонность собора къ несторіанству. Защитники же Халкидонскаго опредѣленія утверждали, что оно во всемъ согласно съ Кирилломъ, и въ этомъ направленіи стремились истолковать его. Какъ извѣстно, и самое примиреніе умѣренной партіи монофизитовъ съ церковью состоялось на почвѣ этого истолкованія, при чемъ даже наиболѣе спорная формула Кирилла объ одной природѣ Бога Слова воплощенной была съ нѣкоторымъ ограниченіемъ принята V вселенскимъ соборомъ и потомъ вошла въ точное изложеніе православной вѣры св. Іоанна Дамаскина.

Отсюда видно, какое первостепенное значеніе имѣеть изученіе христологіи Кирилла какъ для исторіи христологическихъ движеній, такъ и для правильнаго уразумѣнія догмата о вочеловѣченіи. Тѣмъ не менѣе, обзрѣвая существующую ученую литературу о Кириллѣ, нельзя не сознаться, что ни по своему объему, ни по качеству она не стоитъ на высотѣ, соответствующей этому значенію. Конечно, ни одинъ изслѣдователь эпохи вселенскихъ соборовъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы такъ или иначе не коснуться дѣятельности и ученія св. Кирилла; въ общихъ курсахъ по исторіи церкви, догматики и церковной литературы, въ энциклопедіяхъ, словаряхъ и пр. всегда можно встрѣтить болѣе или менѣе удовлетворительные отдѣлы, посвященные воспроизведенію его ученія. Но уже по самой задачѣ такихъ изданій эти отдѣлы должны довольствоваться только главнымъ и общимъ и не могутъ претендовать на научную полноту и всесторонность. Г. Коноваловъ совершенно справедливо оцѣниваетъ существующую ученую литературу о Кириллѣ, отмѣчая тотъ фактъ, что вся она составлена на основаніи незначительнаго количества сочиненій Кирилла, изданнаго главнымъ образомъ въ актахъ соборовъ (стр. 65). И дѣйствительно, спеціальной монографіи о Кириллѣ и его христологіи, если не считать ничтожной въ научномъ отношеніи книжки Копаллика, доселѣ еще не существуетъ. Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ детальное изученіе исторіи церкви подвигается отъ первыхъ вѣковъ христіанства къ эпохѣ вселенскихъ соборовъ, нужда въ такой монографіи чувствуется все сильнѣе, и еще въ 1887 году ученый изслѣдователь эпохи монофизитства, Лоофсъ, заявлялъ, что

точная историко-догматическая монографія о Кириллѣ является настоятельной потребностію времени (Leontius v. Byzanz, s. 40 anm.).

На встрѣчу этому желанію и идетъ работа Коновалова. Въ виду указаннаго сейчасъ состоянія ученой литературы о Кириллѣ, первой и главной задачей его было изслѣдовать христологическое ученіе Кирилла во всей полнотѣ и объективности и на основаніи *всего* оставшагося отъ него литературнаго наслѣдства. Отъ такого или иного выполненія этой задачи зависѣло и построеніе втораго отдѣла его сочиненія, трактующаго о значеніи Кирилла въ исторіи христологическихъ движеній V и VI в.в.,—потому что разъ духъ, особенности и терминологія Кирилла поняты правильно, опредѣлить ихъ вліяніе на дальнѣйшія движенія уже не представитъ собой непреодолимыхъ трудностей. Коноваловъ такимъ образомъ и поступаетъ; большую, первую половину своей работы онъ отводитъ историко-догматическому анализу христологическихъ воззрѣній Кирилла (стр. 1—242).—Было бы затруднительно передавать въ полнотѣ содержаніе отдѣловъ, составляющихъ эту первую часть его сочиненія, особенно въ виду ихъ спеціальнаго историко-филологическаго характера; мы ограничимся указаніемъ ихъ общаго плана. Какъ и слѣдовало тому быть, г. Коноваловъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ изученія предшественниковъ Кирилла въ области ново-александрійской христологій, св. Аѳанасія Александрійскаго и Аполлинарія Лаодикійскаго, отмѣчая у нихъ преимущественно тѣ особенности, которыя были восприняты и развиты Кирилломъ (1—48). Опредѣливъ такимъ образомъ историческую почву, на которой возросло своеобразное ученіе Кирилла, авторъ переходитъ къ анализу его христологическихъ воззрѣній, главной своей задачей поставляя точное опредѣленіе ихъ терминологіи и основныхъ понятій. Такъ какъ при выясненіи догматическихъ вопросовъ дѣятелямъ древней церкви приходилось орудовать извѣстной суммой общихъ понятій, выработанныхъ древней научной мыслью, и затѣмъ примѣнять ихъ къ христіанскому богословію, то для правильнаго пониманія ихъ воззрѣній и особенно терминологіи необходимо предварительно изслѣдовать исторію и смыслъ этихъ понятій въ языческой наукѣ и философіи и опредѣлить, что они удер-

жали изъ нихъ и что и какъ измѣнили. Этотъ историко-филологическій методъ, съ успѣхомъ уже примѣненный къ нѣкоторымъ церковнымъ писателямъ въ новѣйшихъ изслѣдованiяхъ о нихъ, Коноваловъ прилагаетъ и къ изученiю Кирилла. Каждый Кирилловскiй терминъ, каждое понятiе онъ разсматриваетъ сначала со стороны его смысла въ тогдашней философи и наукѣ, потомъ отмѣчаетъ употребленiе его въ христіанской литературѣ у предшественниковъ Кирилла и, затѣмъ, подробно на основанiи анализа разныхъ мѣстъ сочиненiй Кирилла устанавливаетъ его смыслъ и значенiе въ системѣ этого отца. Основнымъ понятiемъ Кирилловской христологiи онъ полагаетъ понятiе объ „*ἕνωσις φύσεως*“, которое подвергаетъ подробному анализу (49—64), и затѣмъ, въ связи съ результатами этого обсужденiя, съ указанными выше приемами, разсматриваетъ дальнѣйшія христологическія понятiя Кирилла и ихъ терминологію. Отсюда и анализъ христологiи Кирилла у него распадается по слѣдующимъ рубрикамъ: а) *ἕνωσις φύσεως* — основное понятiе Кирилла (49—85); б) *ἕνωσις καθ' ὑπόστασιν* (85—97); в) *ἕνωσις κατὰ φύσιν* (98—105); г) *ἕνωσις κατ' ἀλλήθειας* (105—140); д) *μία φύσις θεοῦ λόγου σεσαρχωμένη* (140—166); е) *μία φύσις... καὶ τὸ ἀνθρώπινον λόγον* (167—178); ж) *δύο φύσεις ἢ τῶν φύσεων διαφορὰ καὶ μία φύσις* (178—219); з) *communicatio idiomatum* (219—240). Изъ подробнаго анализа этихъ центральныхъ понятiй христологiи Кирилла само собою слѣдуетъ общая система его ученiя о Лицѣ Богочеловѣка.

Надѣмся, что уже представленный сейчасъ,—очень краткій,—обзоръ первой части сочиненiя г. Коновалова свидѣтельствуемъ о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ работой незаурядной. Но мы должны сказать большее;—мы должны сказать, что главную и важнѣйшую свою задачу, которою занимается первая часть его сочиненiя, онъ выполнилъ съ рѣдкимъ и замѣчательнымъ успѣхомъ, не смотря на трудности, соединенныя съ нею. Ученiя Кирилла не понимали уже современники: его или перетолковывали по своему или упрекали въ противорѣчiи и даже научномъ невѣжествѣ. Когда, послѣ Халкидонскаго собора, борьба съ монофизитами свелась въ сущности въ такому или иному пониманiю христологическихъ воззрѣнiй Кирилла, его терминологiя сдѣлалась предметомъ тщательнаго изученiя и дала поводъ къ новымъ спорамъ;

въ VI-мъ вѣкѣ уже составлялись цѣлые трактаты, посвященные изученію христологическаго языка Кирилла, небольшіе отрывки изъ которыхъ сохранились и до нашего времени. Такимъ образомъ еще въ древности, современниками Кирилла и ближайшими къ нему поколѣніями, терминологія его понималась неясно и истолковывалась въ разныхъ направленіяхъ. Послѣ этого нечего и говорить о разнообразіи въ пониманіи и толкованіи Кирилловскаго ученія у новѣйшихъ изслѣдователей. Тому, кто пожелалъ бы самостоятельно разобраться въ массѣ этихъ противорѣчивыхъ толкованій, оставался единственный путь—забывъ на время существующую литературу, подвергнуть тщательному изученію творенія св. Кирилла въ ихъ полномъ объемѣ и прежде всего на основаніи самого Кирилла воспроизвести его воззрѣнія. По этому пути и пошелъ Коноваловъ, удачно примѣнивши къ дѣлу свои прекрасныя познанія въ области греческаго языка. Языкъ Кирилла, не смотря на его спеціальныя трудности, онъ изучилъ въ совершенствѣ и какъ бы сдѣлалъ своимъ собственнымъ. „Изъ несомнѣнно подлинныхъ сочиненій Кирилла, — замѣчаетъ Коноваловъ въ концѣ первой части своего сочиненія (242 стр.), — экзегетическихъ, апологетическихъ, догматическихъ и гомилетическихъ, нами не было игнорировано ни одно“. И дѣйствительно, около четверти его сочиненія наполнено греческимъ текстомъ, извлеченнымъ изъ разныхъ твореній Кирилла, при чемъ ни въ одномъ случаѣ мы не могли бы упрекнуть его въ излишнемъ пристрастіи къ подлиннику или неудачномъ подборѣ выдержекъ. Для примѣра укажемъ стр. 126. 176. 177. Но изученія однихъ твореній св. Кирилла въ ихъ подлинномъ языкѣ было еще недостаточно. Для правильнаго уразумѣнія его терминологіи не только необходимо было изучить его предшественниковъ въ области богословія и языческой науки, но не менѣе важно было еще сравнить его съ современниками и древними греческими истолкователями. И это выполнено Коноваловымъ образцово. Особенно внимательно онъ изучалъ христологическія сочиненія св. Аѳанасія Александрійскаго, еще лучше знакомъ ему Аполлинарій; нужными мѣстами Θεодорита и восточныхъ, а равно и полемистами VI вѣка онъ пользуется свободно,— всегда гдѣ нужно. Изъ сочиненій языческихъ писателей

онъ ознакомился въ подлинникѣ съ Эннеадами Плотина и изучилъ специальную по этому вопросу литературу.

Прекрасное и непосредственное знакомство Коновалова съ источниками дало ему возможность сохранить полную самостоятельность въ изложеніи и оцѣнкѣ ученія Кирилла. Къ своимъ предшественникамъ по изученію Кирилла онъ обращается чаще за тѣмъ, чтобы отмѣтить ихъ неточности и дополнить пробѣлы, чѣмъ заимствовать что-либо отъ нихъ въ готовомъ видѣ. Своимъ исходнымъ пунктомъ (стр. 65) онъ ставитъ не новѣйшія работы о Кириллѣ, а сочиненія православныхъ писателей VI вѣка, много потрудившихся надъ выясненіемъ ученія александрійскаго архіепископа, и благодаря детальному знакомству съ твореніями послѣдняго, вносить *фактическія* поправки къ работамъ такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ Лоофсъ, Гарнакъ, Болотовъ, Глубоковскій. Первыхъ двухъ онъ основательно упрекаетъ въ непониманіи ученія Кирилла и произвольномъ его перетолкованіи (64, 157—166, 324 и др.), съ Болотовымъ удачно полемизируетъ о значеніи выраженія *κατὰ φύσιν* на языкъ того времени (130—137), послѣдняго опровергаетъ по вопросу о вліяніи полемики Θεодорита на воззрѣнія Кирилла (91. 92. 217). Вообще его сочиненіе представляетъ собой вполнѣ оригинальный и самостоятельный трудъ.

Въ особую заслугу г. Коновалова нужно поставить примѣненіе имъ историко-филологическаго метода, сущность котораго мы указали выше. Насколько знаемъ, доселѣ еще никто въ полномъ объемѣ не прилагалъ его къ изученію Кирилла, между тѣмъ плодотворность его несомнѣнна, и о ней свидѣтельствуетъ все сочиненіе Коновалова. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы объективно воспроизвести понятіе, соединяемое съ извѣстнымъ терминомъ тѣмъ или другимъ древнимъ писателемъ, для этого недостаточно изучить употребленіе термина только у этого писателя. Общая научная терминологія, выработанная древней философіей, часто усвоялась церковными писателями въ готовомъ видѣ и не подвергалась нарочитому анализу, какъ дѣло общезвѣстное. Въ подобныхъ случаяхъ ученому новѣйшаго времени весьма легко подставить подъ древній терминъ свое, привычное ему, понятіе и идеи новаго времени перенести въ древность, которая о нихъ ничего не знала. Чтобы избѣжать этого смѣшенія по-

нятій, необходимо предварительно прослѣдить филологическую и научную исторію термина и, затѣмъ уже, толковать терминологию изучаемаго писателя. Коноваловъ съ успѣхомъ слѣдуетъ этому правилу и при помощи его достигаетъ прекрасныхъ результатовъ. Для примѣра укажемъ на его анализъ основнаго понятія въ христологіи Кирилла: „*ἔννοσις φυσική* (49—64)“; здѣсь онъ сначала изслѣдуетъ употребленіе его въ модной философіи тогдашняго времени—неоплатонизмъ, оказавшей вліяніе на Кирилла; затѣмъ, изучаетъ отношеніе къ нему св. Аѳанасія и Аполлинарія и потомъ уже обращается къ Кириллу. Любопытны также его изысканія по поводу терминовъ *κατ' ἀλήθειαν* (140 — 166), *κατὰ τὸν λόγον* (170 — 172) и т. п. Что же касается до терминологіи самого Кирилла, то она всегда выясняется на основаніи собственнаго его опредѣленія (см. напр. стр. 66) или такого сопоставленія выдержекъ изъ его сочиненій, которое исключаетъ всякую неясность. Отсюда и терминологія Кирилла, а равно и его христологическія понятія выступаютъ въ сочиненіи Коновалова съ самой желательной отчетливостью.

Принимая во вниманіе, что преимущественный интерес Коновалова направляется на анализъ христологіи Кирилла, можно было бы ожидать, что въ его сочиненіи окажется недостатокъ въ общей систематизаціи и оцѣнкѣ христологіи Кирилла. На дѣлѣ этого недостатка нѣтъ. Напротивъ, его изслѣдованіе убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что христологія Кирилла представляетъ собой необыкновенно связанное цѣлое, проникнутое во всѣхъ своихъ частяхъ единствомъ, такъ что одно положеніе неразрывною связью соединено съ другимъ. Анализъ терминовъ, обозначающихъ важнѣйшія христологическія понятія Кирилла, Коноваловъ располагаетъ въ такомъ порядкѣ, что изученіе одного термина непосредственно ведетъ къ другому, болѣе точному и частному, и такимъ образомъ христологическія воззрѣнія Кирилла излагаются читателю въ строгой послѣдовательности, переходя отъ общаго къ частному. Въ цѣломъ же видѣ первая часть сочиненія Коновалова даетъ вполне законченную, логически стройную систему ученія Кирилла, рассмотрѣнную во всѣхъ ея подробностяхъ.

Вторая часть сочиненія (243—376), имѣющая чисто историческій интересъ, задачей своей ставитъ прослѣдить влія-

ніе христологіи Кирилла въ послѣдовавшихъ за его смертію спорахъ о Лицѣ Богочеловѣка. Эта часть распадается на два большихъ отдѣла, изъ которыхъ первый (248—342) изучаетъ отношеніе къ Кириллу главнѣйшихъ представителей монофизитства, имена которыхъ обозначаютъ собой новыя стадіи въ развитіи этого движенія. Здѣсь предъ нами проходятъ хронологически-послѣдовательною чередой главари монофизитства: Евтихій (248—270), Діоскоръ (270—276), Тимофей Элуръ (276—286), Филоксенъ Іерепольскій (286—295), Севиръ (295—332) и противникъ послѣдняго Юліанъ Галикарнассскій (332—342). Ученіе каждаго изъ этихъ лицъ подвергается анализу, на основаніи котораго и устанавливается отношеніе ихъ къ Кириллу. Второй отдѣлъ трактуетъ о значеніи христологіи Кирилла въ исторіи православнаго ученія о Лицѣ Богочеловѣка (242—271). Если въ монофизитствѣ возрѣніе Кирилла на одну природу Бога Слова воплощенную было воспринято въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ, то въ православномъ теченіи богословской мысли оно получило свое надлежащее, подлинно-кирилловское значеніе. Православные дѣятели въ выясненіи догмата о Богочеловѣкѣ примкнули къ Кириллу и, всецѣло принявъ кардинальный пунктъ его ученія о Христѣ, какъ единой живой Личности, старались выяснить признаваемое Кирилломъ, но недостаточно выраженное бытіе двухъ природъ. Первымъ опытомъ такой интерпретаціи ученія Кирилла было опредѣленіе Константинопольскаго собора по дѣлу Евтихія. Халкидонскій соборъ также стоялъ подъ значительнымъ вліяніемъ Кирилла: онъ не только принялъ два посланія его въ качествѣ образцовъ вѣры, но и въ самое опредѣленіе (*ὁρος*) внесъ термины, заимствованныя у Кирилла. Въ дальнѣйшихъ спорахъ за опредѣленіе Халкидонскаго собора ученіе Кирилла приобрѣло еще большее вліяніе: православные полемисты VI вѣка понимаютъ Халкидонскую формулу уже въ смыслѣ возрѣній Кирилла, такъ что въ окончательномъ результатѣ христологія его получила основоположительное значеніе.

Какъ уже сказано было, вторая половина сочиненія Коновалова имѣетъ отчасти прикладное значеніе: результаты изученія христологіи Кирилла она должна примѣнить къ исторіи христологическихъ движеній V и VI вв. Однако, и

здѣсь, для надлежащаго исполненія задачи, требовалось не мало трудовъ. Эпоха догматическихъ споровъ, продолжавшаяся отъ 4-го вселенскаго собора до 5-го, отличается необыкновеннымъ богатствомъ событій и пестротою выступающихъ въ ней теченій богословской мысли, и отъ изучающаго ее требуетъ большого напряженія, чтобы не затеряться въ массѣ событій, лицъ и направленій. Затрудненіе усложняется еще тѣмъ, что большинство вопросовъ, касающихся этой эпохи, затемнено или неправильно истолковано въ новѣйшей ученой литературѣ. Вслѣдствіе этого, прежде чѣмъ опредѣлить отношеніе того или другаго факта изъ исторіи христологическихъ движеній къ ученію Кирилла, часто бываетъ необходимо предварительно установить самый фактъ. Коноваловъ съ успѣхомъ преодолеваетъ эти затрудненія. Ученіе представителей монофизитства и ихъ православныхъ противниковъ онъ излагаетъ по источникамъ, на основаніи собственнаго знакомства съ нимъ. Добытые имъ при изученіи Кирилла результаты дали ему возможность и здѣсь пойти вполне самостоятельнымъ путемъ; укажемъ для примѣра на его отдѣлы объ Евтихіи и Сефирѣ, гдѣ онъ устанавливаетъ новыя точки зрѣнія. Нѣкоторые его выводы имѣютъ общее церковно-историческое значеніе, какъ напр. анализъ Халкидонскаго ороса, и безъ сомнѣнія будутъ усвоены впослѣдствіи православной церковно-исторической наукой.

Разсматривая сочиненіе г. Коновалова въ его цѣломъ объемѣ, мы должны прежде всего отмѣтить его научное достоинство. Это—не ученическій отвѣтъ на заданную тему и не сводъ научныхъ результатовъ, добытыхъ другими лицами, а ученое изслѣдованіе въ полномъ значеніи этого выраженія. Усвоивъ себѣ всѣ твердые выводы предшествующей ученой работы, оно двигаетъ дѣло далѣе, вноситъ новый матеріалъ въ ученый оборотъ и освѣщаетъ его съ новыхъ точекъ зрѣнія. Въ научномъ изслѣдованіи богословія Кирилла оно дѣлаетъ несомнѣнный шагъ впередъ. Христология Кирилла получаетъ въ немъ такое полное, всестороннее и основательное воспроизведеніе, какого она еще не имѣла доселѣ. Авторъ нигдѣ, даже въ обсужденіи самыхъ скользкихъ вопросовъ, не покидаетъ своей научной позиціи. Онъ не замалчиваетъ фактовъ, которые съ извѣстной точки зрѣ-

нія могутъ показаться подозрительными, напр. вліяніе Аполлинарія на Кирилла или пользование Кирилломъ подложными сочиненіями, и не желаетъ перетолковывать ихъ. Напротивъ, если угодно, онъ расширяетъ ихъ значеніе, но въ то же время, на основаніи точнаго анализа дѣла, ставитъ ихъ въ такія границы, въ которыхъ они утрачиваютъ свой соблазнительный видъ. Особенно хорошо и основательно сочиненіе Коновалова рѣшаетъ спорный вопросъ объ отношеніи Кирилла къ ученію о двухъ природахъ во Христѣ; по нашему мнѣнію оно разъ навсегда снимаетъ съ Кирилла упрекъ въ монофизитствѣ, неопровержимо доказывая, что признаніе полнаго Божества и человѣчества во Христѣ требовалось самымъ существомъ хринологіи Кирилла и неотдѣлимо отъ нея.

Не можемъ не отмѣтить еще слѣдующихъ качествъ, отличающихъ сочиненіе Коновалова. Мы уже говорили о трудности и сложности задачи, предлежавшей Коновалову. Помимо изученія твореній Кирилла въ полномъ ихъ объемѣ и по подлинному тексту ему необходимо было ознакомиться въ подлинникѣ же съ сочиненіями предшественниковъ и современниковъ Кирилла, освоиться съ исторіей монофизитства на протяженіи двухъ слишкомъ столѣтій, обследовать ученіе главныхъ представителей этой ереси и изучить творенія православныхъ полемистовъ VI вѣка. Легко видѣть, что одна уже, такъ сказать, механическая сторона этой работы должна была поглотить много силъ и времени. Но сочиненіе Коновалова представляетъ собою не механическій сводъ матеріала, но строго продуманное и систематически построенное изслѣдованіе его, отличающееся полной самостоятельностью. При этомъ существующая ученая литература о Кириллѣ какъ въ старыхъ, такъ и новѣйшихъ ея представителяхъ использована въ совершенствѣ: Коноваловъ успѣлъ привлечь къ своему дѣлу даже такія работы, которыя появились уже во время составленія имъ своего сочиненія. Наконецъ, и литературная сторона сочиненія стоитъ на вполнѣ надлежащей высотѣ: авторъ пишетъ языкомъ точнымъ и правильнымъ, и его рѣчь, не смотря на свою сжатость, нигдѣ не запутываетъ читателя своею неясностью, поддерживая живой интересъ на всемъ протяженіи сочиненія. Все это свидѣлствуетъ не только

о трудолюбіи и талантливости автора, но и о богатствѣ предварительныхъ его познаній и навыкѣ къ научнымъ работамъ.

Заканчивая отзывъ о сочиненіи Коновалова, считаемъ нужнымъ замѣтить, что, указывая на выдающіяся достоинства его работы, мы отнюдь не хотимъ представить ее образцомъ всѣхъ совершенствъ. Въ такихъ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о хринологіи Кирилла и ея историческомъ значеніи, и самый опытный изслѣдователь не избѣжитъ недосмотровъ, неполноты и нѣкоторой односторонности. Противъ сочиненія Коновалова, конечно, можно представить нѣкоторыя немаловажныя замѣчанія. За первую часть сочиненія должно упрекнуть его въ слишкомъ догматической постановкѣ дѣла; на хринологію Кирилла, даже въ ея терминологіи, онъ смотритъ, какъ на нѣчто данное разомъ, вылившееся въ одинъ моментъ въ опредѣленную форму; съ догматической точки зрѣнія такая постановка имѣетъ свои удобства, потому что даетъ автору возможность ярче отмѣтить ея особенности, но историка она не удовлетворитъ. Несомнѣнно, что хринологія Кирилла, по крайней мѣрѣ въ формальной своей сторонѣ, подлежала развитію, и въ этомъ отношеніи полемика съ восточными не осталась безъ вліянія. Отъ второй части сочиненія можно было бы пожелать бѣльшихъ подробностей, чѣмъ сколько она даетъ въ настоящемъ видѣ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ долгомъ заявить, что мы еще не встрѣчали такого удачнаго сочетанія талантливости, трудолюбія, начитанности и умѣнія орудовать научными приѣмами, соединеннаго съ полною самостоятельностью изслѣдованія, какое представляетъ собою разсмотрѣнное сочиненіе г. Коновалова. Въ этомъ отношеніи его нужно признать рѣдкимъ явленіемъ, которое не повторяется ежегодно. Изданное въ теперешнемъ своемъ видѣ, оно составило бы честь русской наукѣ, но безъ сомнѣнія талантливый авторъ еще улучшитъ его. Поэтому, мы не только признаемъ г. Коновалова достойнымъ степени кандидата богословія, но и рекомендуемъ его особому вниманію Совѣта Академіи“.

19) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Краснопѣцева Алексѣя*: „Въ какихъ чертахъ представляются устройство епархіи и бытъ духовенства въ

изданныхъ постановленіяхъ Св. Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія“:

„Довольно обширный (I—VII; 1—616; 1—57) трудъ студента А. Краснопѣвцева состоитъ изъ предисловія, введенія, трехъ частей и приложений. Въ концѣ предисловія авторъ раскрываетъ планъ сочиненія своего въ слѣдующихъ словахъ: „Церковная реформа начата была Петромъ съ высшихъ церковныхъ сферъ и выразилась прежде всего въ замѣнѣ патріаршаго правленія синодальнымъ. Учреждая Св. Синодъ, преобразователь вмѣстѣ съ тѣмъ постарался опредѣлить его положеніе въ междуцерковныхъ сношеніяхъ, среди учреждений собственнаго государства и по отношенію къ государственной власти. Съ этою цѣлію въ основу новаго учрежденія положены были опредѣленныя начала, которыя сообщили своеобразный колоритъ его церковной дѣятельности и *развитію* (надобно бы сказать *раскрытію*) которыхъ посвящено нами введеніе (1—39). 1-я часть заключаетъ въ себѣ описаніе административнаго и судебного устройства епархій (гл. I, 40—222) и внѣшней организаціи духовнаго сословія (гл. II, 223—346). Предметомъ 2-й части служить внутренняя организація духовенства — его нравственное состояніе (гл. I, 347—390) и умственное образованіе (гл. II, 391—471). Наконецъ, третья часть содержитъ въ себѣ выясненіе соціально-экономическаго положенія духовенства (472—616)“.

Терминомъ „Приложенія“ авторъ обозначилъ не что иное, какъ свои примѣчанія, обыкновенно помѣщаемыя подъ строкою, въ большинствѣ состоящія изъ цитатъ источниковъ.

По поводу этого плана должно замѣтить, что онъ весьма обще и не вполне точно и ясно обозначаетъ содержаніе отдѣльныхъ частей сочиненія и вслѣдствіе этого далеко не даетъ полнаго представленія о томъ разнообразіи и интересѣ его, какими въ дѣйствительности отличается трудъ автора. Поэтому мы должны войти въ болѣе подробное изложеніе его содержанія.

Такъ, первая очень обширная глава 1-й части, носящая рубрику: *описаніе административнаго и судебного устройства епархій*, въ дѣйствительности содержитъ сначала очеркъ епархіальнаго устройства за *патріаршій* періодъ (41—74) и затѣмъ уже изображаетъ съ полнотою и основательностью

тъ мѣры и перемѣны въ этомъ устройствѣ, какія были предприняемы Св. Синодомъ къ устраненію весьма важныхъ недостатковъ въ прежнемъ епархіальномъ устройствѣ, а именно: введеніе штатовъ архіерейскихъ служилыхъ людей, разграниченіе епархій, новый способъ избранія епископовъ, стремленіе Св. Синода ко введенію коллегій изъ духовныхъ лицъ въ замѣну прежнихъ епархіальныхъ приказовъ; ограниченіе предметовъ вѣдомства епархіальной администраціи и суда—изъятіемъ изъ него многихъ дѣлъ въ гражданское вѣдомство; введеніе института инквизиторовъ, упорядоченіе личной архіерейской ревизіи церквей и приходовъ и установленіе новыхъ органовъ надзора въ видѣ зашчиковъ и десятонаачальниковъ.

Глава 2-я (223—346) подъ рубрикою: „внѣшняя организація духовнаго сословія“ представляетъ въ содержаніи своемъ больше разнообразія, чѣмъ какое указываетъ ей рубрика: ибо на ряду съ этою матеріею, настоящая глава содержитъ и мѣропріятія по введенію штатовъ приходскаго духовенства и мѣры къ установленію нормы приходовъ и числа приходскихъ церквей.

Часть 2-я подъ общею рубрикою: „внутренняя организація духовенства“ подраздѣляется на двѣ главы: 1) нравственное состояніе духовенства и 2) умственное образованіе его. Строго разсуждая, такое раздѣленіе должно быть признано излишнимъ: ибо первая глава ни о какой организаціи не говоритъ, а изображаетъ картину нравовъ духовенства Петровскаго времени, въ особенности поповичей — какъ кандидатовъ на священство и служить лишь мотивомъ къ тѣмъ образовательно-воспитательнымъ мѣрамъ, какія со всею обстоятельностью изложены авторомъ въ слѣдующей главѣ.

Наконецъ, часть 3-я, содержащая изображеніе социальноекономическаго положенія духовенства — весьма богатая содержаніемъ, вполнѣ точно обозначеннымъ въ заглавіи, совершенно напрасно отодвинута на самый конецъ — въ послѣднюю часть. Мѣсто ея, очевидно, должно быть рядомъ съ 1-ю главою 1-й части сочиненія.

Вообще о планѣ автора должно сказать, что онъ не вполнѣ удаченъ: онъ очень искусствененъ и не представляетъ цѣлесообразнаго раздѣленія цѣлаго предмета сочиненія на его естественныя органическія части.

За исключеніемъ этого недостатка сочиненіе студента А. Краснопѣвцева представляетъ трудъ серьезный и интересный. Авторъ положилъ много труда въ изученіи постановленій Св. Синода и описанія документовъ его, о чемъ свидѣтельствуя его многочисленныя цитаты изъ нихъ, помѣщенныя особо въ видѣ приложений. Результаты своего изученія онъ постарался изложить въ связной формѣ исторической монографіи, при чемъ вполне основательно изучилъ и состояніе и устройство епархіальнаго управленія за предшествовавшей періодъ.

Нахожу сочиненіе его вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

20) Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Лавровскаго Теодора*: „Апокрифическій элементъ въ произведеніяхъ древне-русскихъ паломниковъ“:

„Свою задачу авторъ выполнилъ въ общемъ добросовѣстно. Онъ тщательно изучилъ по изданіямъ „Хожденія“, выбралъ и изложилъ съ комментариемъ отрывки изъ апокрифовъ и мелкія черты апокрифическаго характера, встрѣтившіеся ему въ паломничьей письменности. Прочиталъ достаточно и апокрифовъ, обращавшихся въ древней Руси. Большую услугу автору оказали изслѣдованія Порфирьева, Веселовскаго, Тихонравова, Сперанскаго, Буслаева, Сахарова, Норова и другихъ; ими онъ пользуется по большей части критично.

Въ началѣ сочиненія дается очеркъ древне-русскаго паломничества, впрочемъ слабо связанный съ темой автора. Далѣе слѣдуютъ замѣчанія о Паломникѣ Даниїла, давно поставленномъ во главу произведеній этого рода письменности, опредѣленіе самаго понятія „апокрифъ“, обстоятельное изложеніе и разборъ апокрифическаго элемента въ произведеніи игумена Даниїла, менѣе обстоятельное изслѣдованіе того же элемента въ Хожденіяхъ паломниковъ, посѣщавшихъ Царьградъ, разборъ апокрифическаго матеріала въ писаніяхъ паломниковъ XV—XVII в., ходившихъ въ Иерусалимъ, на Синай и въ Египеть, наконецъ, указывается значеніе для развитія духовнаго стиха той апокрифической литературы, которую къ намъ приносили и распространяли у насъ паломники.

Въ планѣ сочиненія есть недочеты. Глава о паломникахъ

въ Царьградъ разрываетъ естественный ходъ рѣчи о библейскихъ апокрифахъ у Даниїла и послѣдующихъ авторовъ, зависимыхъ отъ него до нѣкоторой степени. Иные вопросы можно бы, а иногда и слѣдовало бы обойти автору, напр.: можно было опустить разсужденія о времени написанія нѣкоторыхъ Хожденій тѣмъ болѣе, что авторъ повторяетъ только существующіе взгляды и научныя ихъ основанія, которыхъ самъ не пересматриваетъ. Переходя къ рѣчи объ апокрифической письменности въ первые вѣка нашей церкви, авторъ неизвѣстно зачѣмъ ведетъ рѣчь вообще о переводной письменности на Руси того времени. Лишніе отдѣлы вмѣстѣ съ довольно растянутымъ изложеніемъ безъ нужды увеличиваютъ сочиненіе (903 стр.).

Свою задачу авторъ понялъ слишкомъ просто: выдѣливъ апокрифическія черты Хожденій, онъ находитъ литературный источникъ каждой изъ нихъ. Но онъ не подозрѣвалъ другой стороны дѣла, которую могъ выполнить: воспользоваться Хожденіями для исторіи апокрифической литературы въ древней Руси, оцѣнивая эти произведенія, идущія на пространство шести вѣковъ (XII—XVII), какъ указатели ея для того или иного времени. Въ методѣ есть также недочеты. Авторъ любитъ обращаться къ чужимъ научнымъ сужденіямъ и предположеніямъ, трактуя ихъ наравнѣ съ показаніями источниковъ и пропускаетъ эти послѣднія. Отъ того страдаютъ точность и убѣдительность его построеній. Встрѣчаются и свои общія соображенія, недостаточно доказанныя и доказательныя. Есть мелкія ошибки.

Но все это не лишаетъ сочиненіе его достоинствъ. Въ своей сложной и трудной темѣ авторъ успѣлъ основательно оріентироваться. Почти всегда удачно при помощи пособій или самостоятельно онъ указываетъ источникъ даже мелкихъ апокрифическихъ чертъ въ паломничьей письменности, обращаясь при этомъ не только къ русскимъ, но и къ иностраннымъ изданіямъ апокрифовъ. Указывая легендарный элементъ въ паломничьихъ сказаніяхъ по порядку библейскихъ событій новаго и ветхаго Завѣта, авторъ даетъ порой довольно обстоятельныя очерки въ этомъ родѣ. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ есть удачныя соображенія. — Въ общемъ сочиненіе г. Лавровскаго надо признать очень хорошимъ“.

21) Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Левитова Павла*: „Истина, добро и красота, какъ тріединое откровеніе Безконечнаго (религіозныя основы науки, нравственности и искусства)“:

„Въ высокой степени отрадное впечатлѣніе производитъ сочиненіе г. Левитова. Оно есть наглядное доказательство того, до какой зрѣлости мысли, правильности взглядовъ, широты и разносторонности образованія доводитъ своихъ лучшихъ питомцевъ, наша богословская школа.—Сочиненіе г. Левитова, какъ показываетъ уже его тема, не есть какое-нибудь специальное изслѣдованіе: это просто философская систематизація общихъ началъ науки, нравственности и художественнаго творчества съ религіозной точки зрѣнія. Все усвоенное авторомъ въ продолженіи своего образованія отъ учителей и изъ учебниковъ, все вычитанное, передуманное и пережитое, объединено здѣсь, въ основныхъ и существенныхъ элементахъ, и представлено на ученый судъ, какъ своего рода исповѣданіе научно-богословской вѣры. И это отнюдь не есть какой-нибудь наборъ общихъ мѣстъ. Нѣтъ, авторъ повсюду рѣжетъ, такъ сказать, изъ цѣльнаго куска, нигдѣ не закрывается выписками, чужими словами и сужденіями, а тамъ, гдѣ его мысль не достигла устойчивости и равновѣсія, гдѣ для него остались неясности или сомнѣнія, онъ открыто указываетъ ихъ, совершенно законно предпочитая Сократовское сознаніе въ своемъ невѣдѣніи — неискренности или общимъ мѣстамъ. Не менѣе удовлетворительно сочиненіе и въ формально-литературномъ отношеніи. Довольно большое по объему (583 стр. мелкаго и убористаго письма), оно, во всѣхъ деталяхъ, обработано весьма тщательно и изложено стилемъ, который, по точности и безукоризненной правильности, не оставляетъ желать ничего большаго.—Лишь два недостатка,—совсѣмъ несущественныхъ, впрочемъ (какъ сейчасъ увидимъ),—мы должны отмѣтить въ выдающемся сочиненіи автора: во первыхъ, излишнюю длинноту и элементарность нѣкоторыхъ страницъ,—свойства, которыя выступаютъ тѣмъ ярче, что вообще-то мысли автора сжаты, свѣжи и своеобразны, и, во вторыхъ, совершенное незнакомство автора съ иностранною литературою вопроса (по крайне досадному незнанію имъ иностранныхъ языковъ). Положимъ, что по самому характеру вопроса

для автора не было настоящей необходимости искать у нѣмцевъ или французовъ того, что можно найти въ изобиліи повсюду, и прежде всего въ своемъ собственномъ сознаніи. Но все же знакомство хотя бы лишь съ такими книгами, какъ напримѣръ, извѣстное сочиненіе Кузена: *Du vrai du bien et du beau*, могло бы иной разъ открыть автору другія, болѣе широкія перспективы, убересть иногда его отъ нарушающей гармонію цѣлаго длинноты и дать мѣстами иной, болѣе тонкій, оттѣнокъ выраженію своей мысли. Вообще объ этомъ приходится пожалѣть.—Но эти недостатки во всякомъ случаѣ,—повторяемъ,—несущественны и нисколько не препятствуютъ намъ признать г. Левитова, за представленное имъ прекрасное сочиненіе, вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

22) Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Мишина Александра*: „Догматическое ученіе Евсевія Кесарійскаго“:

„Важнѣйшая задача каждаго научнаго сочиненія состоитъ въ правильной постановкѣ вопроса, отъ которой по большей части зависитъ весь успѣхъ труда. Съ другой стороны одна уже постановка вопроса достаточно говоритъ о томъ, насколько серьезно отнесся авторъ къ своему изслѣдованію, насколько успѣлъ онъ ориентироваться въ литературѣ и положеніи изучаемаго вопроса въ наукѣ. Поэтому въ число первыхъ и наиболѣе выдающихся достоинствъ сочиненія г. Мишина мы ставимъ правильную постановку вопроса. Во взглядахъ различныхъ изслѣдователей на Евсевія и его положеніе въ исторіи тринитарныхъ споровъ господствуетъ повидимому трудно примириемое разногласіе. Начиная съ IV вѣка, одни смотрятъ на Евсевія, какъ на аріанина, другіе доказываютъ, что по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ вполне согласенъ съ никейскимъ исповѣданіемъ. Въ доказательство справедливости своихъ взглядовъ одни ссылаются на одни выраженія Евсевія, другіе противопоставляютъ имъ діаметрально противоположныя; одни основываются главнымъ образомъ на сочиненіяхъ Евсевія, другіе ссылаются преимущественно на его поведеніе во время аріанскихъ споровъ. Чтобы внести единство въ этотъ хаосъ противорѣчивыхъ мнѣній, чтобы осмыслить и объединить лежащіе въ основѣ ихъ факты, г. Мишинъ избираетъ самое простое и

естественное средство. Онъ высказываетъ догадку, не объясняется-ли различіе взглядовъ на отношеніе Евсевія къ аріанству и православію тѣмъ, что изслѣдователи смотрятъ на его догматическую систему, какъ на одно не измѣнявшееся цѣлое и упускаютъ изъ вида развитіе догматическихъ взглядовъ Евсевія подъ вліяніемъ различныхъ событій въ жизни церкви, которыя онъ пережилъ и въ которыхъ онъ принималъ участіе. Мысль о развитіи догматическихъ воззрѣній Евсевія была подсказана г. Мишину литературою предмета. Нѣкоторые изслѣдователи бросали вскользь нѣсколько замѣчаній о томъ, что сочиненія Евсевія нужно изучать въ хронологическомъ порядкѣ и въ связи съ общею исторіею троичныхъ споровъ. Однако далѣе этихъ замѣчаній никто не пошелъ и не далъ себѣ труда сравнить между собою сочиненія Евсевія, написанныя въ разное время, со стороны ихъ догматическаго содержанія. Научное значеніе сочиненія г. Мишина состоитъ въ томъ, что оно стремится восполнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ о Евсевіи, изслѣдуетъ сочиненія этого великаго церковнаго писателя съ совершенно новой точки зрѣнія и вполне отвѣчаетъ такимъ образомъ назрѣвшимъ научнымъ потребностямъ.

Для достиженія намѣченной цѣли г. Мишинъ прежде всего устанавливаетъ хронологическую послѣдовательность сочиненій Евсевія. Чтобы установить *точные* даты каждаго сочиненія Евсевія, потребовалось бы большое спеціальное изслѣдованіе. Однако авторъ сумѣлъ избѣжать въ рѣшеніи этого вопроса ненужныхъ подробностей, которыя могли бы отвлечь его отъ главнаго предмета изслѣдованія. Въ исторіи троичныхъ споровъ авторъ отмѣчаетъ два обстоятельства, которыя могли оказывать то или иное вліяніе на догматическія воззрѣнія Евсевія: 1) появленіе аріанской ереси и 2) ея осужденіе на первомъ вселенскомъ соборѣ и послѣдовавшая затѣмъ борьба аріанской коалиціи съ защитниками никейской вѣры. Соответственно этому авторъ раздѣляетъ всѣ сочиненія Евсевія на три группы по времени ихъ появленія: сочиненія, написанныя Евсевіемъ до возникновенія аріанства; посланія, составленныя въ періодъ времени отъ возникновенія аріанскихъ споровъ и до перваго вселенскаго собора, и наконецъ, сочиненія, относящіяся къ послѣдней никейскому періоду.

Общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ на основаніи изслѣдованія каждой изъ трехъ перечисленныхъ группъ сочиненій Евсевія, можно выразить въ такомъ видѣ. По своимъ догматическимъ воззрѣніямъ въ вопросѣ о пресв. Троицѣ Евсевій долженъ быть отнесенъ къ числу субординаціонистовъ. Поклонникъ и защитникъ Оригена, Евсевій въ значительной степени подчинялся въ своихъ богословскихъ воззрѣніяхъ вліянію великаго александрійскаго учителя, однако въ своемъ представленіи о Логосѣ онъ отступаетъ сравнительно съ Оригеномъ нѣсколько назадъ къ древнимъ апологетамъ. Въ этомъ состоитъ общій тонъ догматическаго ученія Евсевія о пресв. Троицѣ, который остается неизмѣннымъ во всѣхъ его сочиненіяхъ. Но субординаціанское богословіе съ его ученіемъ о Сынѣ Божіемъ, какъ посредникѣ между Богомъ и міромъ, заключало въ себѣ внутреннее противорѣчіе и отличалось двусмысленностью терминовъ. Вслѣдствіе этого открывалась возможность, смотря по обстоятельствамъ и потребностямъ минуты, мыслить Сына Божія то болѣе близкимъ къ Богу по своей природѣ, то болѣе удаленнымъ отъ Него и приближающимся къ міру. Такъ и было съ Евсевіемъ. Въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ ранѣе возникновенія аріанскихъ споровъ, Евсевій видитъ въ Сынѣ Божіемъ посредника между Богомъ и міромъ, посредника божественной, хотя и низшей природы. При возникновеніи аріанскихъ споровъ, подозрѣвая Александра Александрійскаго въ савелліанствѣ и не зная еще истиннаго смысла аріанства, Евсевій склоняется на сторону Арія. Когда на первомъ вселенскомъ соборѣ предъ нимъ открывается истинный смыслъ аріанства, Евсевій подписываетъ послѣ нѣкотораго колебанія никейское исповѣданіе, которое отталкиваетъ его своею мнимою близостью къ савелліанству, но истолковываетъ его въ духѣ своихъ всегдашнихъ субординаціанскихъ убѣжденій. Въ сочиненіяхъ, написанныхъ послѣ никейскаго собора, Евсевій открыто высказывается противъ крайностей аріанства. Но ученіе крайнихъ защитниковъ никейской вѣры (Маркелла) внушаетъ ему осторожность и въ отношеніи къ никейскому вѣроопредѣленію, которое онъ подозрѣваетъ въ близости къ савелліанству. Участвуя затѣмъ вмѣстѣ съ аріанами въ осужденіи вождей православія, Евсевій вовсе не думаетъ скло-

няться къ крайностямъ аріанства: онъ просто защищаетъ свои субординаціанскія воззрѣнія противъ мнимаго савеліанства православныхъ. Евсевій не принадлежитъ ни къ числу православныхъ защитниковъ никейской вѣры, ни къ числу аріанъ: отъ начала и до конца своей жизни онъ былъ субординаціонистомъ, склоняющимся по временамъ то къ той, то къ другой изъ борющихся сторонъ — таково общее сужденіе автора объ Евсевіи.

Вѣрно поставить вопросъ и удачно разрѣшить его авторъ могъ только благодаря своему трудолюбію и добросовѣстному изученію источниковъ и литературы предмета.

Прекрасное знаніе греческаго языка дало автору возможность тщательно и подробно изучить свой первоисточникъ—многочисленные и обширные сочиненія Евсевія, заполняющія собою цѣлыхъ шесть томовъ по изданію Миня. Только историческія сочиненія Евсевія, имѣющія для автора второстепенное значеніе, существуютъ въ русскомъ переводѣ. Все остальное авторъ долженъ былъ не только провѣрять по подлиннику, но и изучать въ подлинникѣ, такъ какъ свободный латинскій переводъ апологетическихъ и догматическихъ сочиненій Евсевія опускаетъ чрезвычайно много важныхъ подробностей и не даетъ никакого представленія о богословской терминологіи Евсевія. Авторъ не могъ однако ограничиться изученіемъ однихъ только сочиненій Евсевія. Самая постановка вопроса въ его изслѣдованіи требовала отъ него изученія вообще патрологической литературы, предшествовавшей и современной Евсевію. Сочиненіе г. Мишина обнаруживаетъ близкое знакомство автора съ произведеніями древнихъ апологетовъ, св. Иринея, Оригена, Аѳанасія Великаго, пріобрѣтенное хотя и по переводамъ, но всегда соединенное съ тщательною провѣркою переводовъ по подлинникамъ.

Трудно указать въ исторіи древне-христіанской литературы еще другого писателя, къ которому каждому изслѣдователю въ области церковной исторіи приходимось бы обращаться такъ часто, какъ къ Евсевію Кесарійскому, о которомъ такъ много говорили бы по различнымъ поводамъ и которымъ меньше занимались бы спеціально. Вслѣдствіе этого литература о Евсевіи Кесарійскомъ въ одно и тоже время и неизмѣрима и бѣдна. Она неизмѣрима, если считать все,